

Санкт-Петербург
Театр Комедии

Культура.
2000. - 11-17 мая. - С. 9

Стоит ли бояться будущего?

Санкт-Петербургский театр Комедии имени Н.П.Акимова в Москве

Сцена из спектакля "Клавир для начинающих карьеру"

Елена Алексеева, известный петербургский критик, не так давно написала грозную статью о неблагоприятном будущем Театра Комедии, том самом некогда прославленном коллективе, которым многие годы руководил Н.П.Акимов. Тогда практически каждый спектакль становился общественно-художественным событием. С уходом из жизни Акимова многое изменилось и далеко не в лучшую сторону. Конечно, обидно, досадно, горько, но в общем-то более чем естественно. С тех пор начался поиск нового художественного руководителя. Е. Алексеева пишет: "...труппа знаменита более всего способностью "съедать" худруков". Длинный список не прижившихся в театре режиссеров подтверждает это. Ищут нового Акимова? Но эта прекраснотолково-благородная цель вполне может прикрывать самые обыкновенные склоки-интриги, неотъемлемую сторону почти любого сценического закулисья.

Мечтать об идеале можно и по принципу гоголевской Агафьи Тихоновны. Но лучше терпеливо извлекать уроки из того, что предлагает объективная реальность, не требуя от нее с детской наивностью лишь лучезарных подарков.

Три спектакля, которые Театр Комедии и его нынешний руководитель Татьяна Кляжко выкатили в Москве, прошли при гонимых аплодисментах. Уже говорит о многом. Хотя критики бывают и менее терпимы, чем нормальный зритель...

Надобно иметь малое мужество, чтобы после прославленных акимовских "Теней" вновь обратиться к пьесе М.Е.Салтыкова-Щедрина, которая сегодня идет на этой сцене под названием "Клавир для начинающих карьеру". Режиссер Т. Казакова, словно присягая на верность Мастеру, отважно взялась за это в общем-то тяжеловесное классическое произведение.

Спектакль получился подробно-неспешным, красивым, очень актерским. Каждому исполнителю даны выигрышные, по-концертному бросающиеся в глаза номера. Е. Баранов (Клавиров), С. Кузнецов (Набойкин), А. Ваха (Бобров), В. Сухоуков (Свиствова), С. Карпинская (Мелипольская) то в один момент, то в другой целиком подчиняют себе внимание зала, демонстрируя отточенное мастерство, умение быть по-комедийному легкими, живыми, музыкальными.

Знакомый сюжет постепенно втягивает в себя, вновь и вновь заставляет удивляться, — надо же, и по сей день не устарел! Подумать

только — божим, божим, а все на том же месте!

К сожалению, Т. Казакова, словно боясь, что мы не все точно поймем, о чем-то не догадаемся, решила еще более определенно прояснить социально-разоблачительную идею, подать ее как учебное пособие, наглядно. Сначала карьеристы, подхалимы, все эти "тени" людей издательства цитируют пушкинские строки — "Мой друг, отныне посвятим души прекрасные порывы!", — потом, в финале, выбегают детишки и с надсадным пафосом декламируют то же самое. И странное дело, чем больше мне вбивают в голову мысль о вековой обреченности в России любых прекрасных порывов, тем равнодушнее становлюсь я к этим праведным сентенциям. Со всех сторон сегодня кричат об этом, к тому же гораздо звонче, чем с той же сцены. Благо, что можно. Ну прокричали лишний раз, и что? А ничего...

Сложнейшие "Тени", как и более изящное и совершенное на эту же тему "Доходное место", и Н. Акимов, и М. Захаров ставили совсем в иное время. Они пробивали стену, а не ломались в открытую властями дверь.

Можно, конечно, но без основательного огорчения, что социально-по-

литический пафос, которым когда-то так был силен наш театр, покинул сцену, а можно и порадоваться этому — ведь взгляд театрального художника на мир, на человека и его судьбу стал во многом терпимее, внимательнее, шире...

Щамяще-грустным и добрым спектаклем на сцене Театра Комедии стали "Трудные люди" И. Бар-Иосафа в постановке Т. Казаковой.

Вечная тема горького одиночества. Вечная тема поиска любви. И столь же вечное — крах всяческих надежд. Все на сцене достоверно, понятно, близко: захлапленная, неуютная квартира, ничем не прикрытая бедность, взвинченные, нервные, трудные от неволи люди... Но как же они преобразовались от нечаянно поманувшей их надежды на возможные счастливые перемены! Актеры живут на сцене психологически правдиво и одновременно раскрепощенно комедийно. Их героизм и нелюбовь, и смешны, и драматичны. По-домашнему уютная тихая Рахель И. Цветковой вдруг темпераментно взрывается, поднимаясь чуть ли не до трагедийных высот, с беспощадной откровенностью рассказывая о своей жизни. Поначалу чуть ли не до безобразия странный Лейзер Е. Баранова с проблемными веры в возможность лучшей доли

приобретает все более и более симпатичные черты. Настырный, шумный Саймон С.Кузнецова в конечном итоге — добрый, заботливый человек. А деликатный, затравленный влюбленный в Рахель сосед Бени в ювелирном исполнении М. Светина пребывает на сцене почти под непрерывными аплодисментами зала.

Эта постановка убеждает, что Т.Казакова оказалась способной ученицей А.В.Эфроса.

А на спектакль "Страсти по Мольеру" спрашивали лишней билет далеко от входа в метро.

В основе этой работы — пьеса М.А.Булгакова "Полумертвый Журден". Режиссер В.Крамер не стал учиться у Булгакова, как через четкое драматическое произведение сказать обо всем творчестве великого французского классика. Но обращаясь именно к этому "Журдену", постановщик тем самым стремился приблизить к нам мольеровского "мещанина" и добился своего. Он распустил и призыв Булгакова к яркой театральной игре, к театру в театре. И, опять же вслед за Булгаковым, доказал, что сценические герои, лицедействуя и ревясь, могут оставаться лукаво-трогательными и человечными.

Заметим, сегодня, когда неожиданно возник интерес к "Мещанину во дворянстве", Журден редко подвергается простенькому высмеиванию. Да и вообще мы, к счастью, давно перестали делить героев на положительных и отрицательных. Люди как люди... Как тот же славный Журден, который сделал такую неуклюжую попытку вырваться из повседневности в иной, как ему показалось, расцвеченный всеми цветами радуги мир. Смешно и грустно.

"Страсти по Мольеру" в Театре Комедии — некое площадное развлекательное зрелище, карнавальная выхри, действительно театр в театре. Чуть грубовато, но в основном уморительно смешно. Актеры, как говорится, играют вразбег, не щадя живота своего. Худая лохматая госпожа Журден В. Киселевой надлена таким шармом, юмором, темпераментом, что от нее глаз не оторвать. Навивный улывочник Клеонт А. Вахи невероятно смешон и симпатичен. Учитель философии Булитина умна, тонка, иронична. Очаровательно лукава Николь И.Сотикова, и так под стать ей живенький хитрец Коваль А. Назикина.

Но вспомним наконец о главном персонаже — Журдене, которого сыграл А. Равикозин, давний и заслуженный любимец публики.

Уже априори можно было догадаться, что этот Журден будет надлен безмерным обаянием и ласковой печальною улыбкой. Смущенная улыбка, юмор, который присутству-

ет даже в самых его прозных окриках... Доверчивый человек, рвущийся в некую райскую даль, о которой не имеет никаких, даже смутных представлений. Что там даль, он и у себя под носом мало что различает. Не видит даже вопиющей вульгарности (скажем честно — вульгарности сверх всякой меры) Доранта и Доримены, стремясь лишь покорно угодить им.

Эта святая простота, наивность, улыбочное обаяние, которыми в избытке наделен своего Журдена Равикозин, необычайно подкупают и располагают к себе, привнося во все происходящее детское простодушие и очарование. Но можно предположить, что высокая комедия жизни, где так тесно соседствуют смех и слезы, требует дополнительных красок.

А в общем, лично мне кажется, что петербургский Театр Комедии очень серьезно, уважительно относится к тому жанру, которому служит. Он ищет смешное, комедийное в реальности, в достоверном характере, а не в нелепых положениях или глупейших ситуациях. И если добавит, что в театре есть крепкая профессиональная режиссура и большое количество превосходных актеров, то, может быть, есть основания не слишком бояться будущего?

Вот только хорошо бы излечили не стремиться к новомодным веяниям. Имею в виду те, как ныне говорят, приколные моменты, ребусы и шарады, которыми отягощены многочисленные спектакли на самых различных сценах. По поводу иных шуточек-дрочек даже и не задавайся думным вопросом — зачем, почему... Свободный творческий полет. Так, в московской постановке В. Мирзоева "Укрощение строптивой", первый акт которой я приняла от души, во втором Петруччо предстает в образе Петра I. А у Т. Казаковой в "Клавире..." старый князь Тараканов появляется в финале под звуки знаменитого романса из оперы "Тиховая дама" в образе... старухи графини. Не знаю, видела ли Казакова спектакль Мирзоева, но, судя по всему, подобные заморочки просто носятся в воздухе.

Конечно, критик, изумляясь окружающим изыскам собственного интеллекта, может высчитывать любые концепции по подобным сценическим изобретениям. Может, на то и расчет — все лишняя реклама. Но... стоит ли перенапрягаться!

Могут только присоединиться к Булгакову: "Театр для меня наслаждение, покой, развлечение, словом, все, что угодно, кроме счастья. Найти новую хорошую невестину... Желая ходить в понятный театр".

Ирина ВАСИЛИНИНА